

По дороге домой в машине Ли Тан открыл группу WeChat, в которой царил зловещая тишина.

В международной школе не было вечерних самоподготовок. В это время все обычно собирались вместе, чтобы поиграть. Не говоря уже о сообщениях, даже звонки не проходили.

От скуки он немного порылся в телефоне. Вернувшись домой и выйдя из машины, он увидел, что в доме темно, словно там никто не живет. Ли Тан почувствовал себя еще более подавленным.

Войдя в дом, тетушка поспешила наверх из комнаты прислуги в подвале.

— Проголодался, да? Хочешь...

— Нет.

Ли Тан поднялся наверх, не оглядываясь. Дойдя до двери своей комнаты, он вспомнил, что оставил рюкзак у двери, и спустился вниз, чтобы забрать его. На полпути он столкнулся с тетей, несущей его рюкзак. Ли Тан неохотно взял его у нее, и его поведение смягчилось.

— Я поел в школе... Я не голоден.

Тетушка улыбнулась:

— Хорошо, позови меня, когда проголодаешься.

Возвращаясь в свою комнату, Ли Тан взглянул на плотно закрытую дверь в конце коридора и на мгновение замешкался, но в итоге не стал стучать.

Впервые в жизни он пришел из школы так поздно. Как только он вошел в комнату, Ли Тан бросился на кровать. Его нервы, натянутые за день в этой непривычной обстановке, наконец-то расслабились. Стоило ему закрыть глаза, как его охватило изнеможение.

Средняя школа Суйчэн № 1... Суйчэн ...

Он вспомнил, что уже бывал здесь раньше. Ему было пять или шесть лет?

Почему? Похоже, его мать ненадолго вернулась в родной город. В таком юном возрасте он думал, что мать бросила его и больше не вернется. Он плакал и умолял отца отвезти его на поиски матери. Отец строго-настрога запретил ему бегать повсюду, поэтому он попросил няню отвезти его в Суйчэн. А потом... Что случилось потом?

Позже он заболел лихорадкой и многое забыл.

Так или иначе, в конце концов он нашел свою мать.

Он не помнил, когда это началось, но до того, как он заболел, его мать, Чжан Чжаоюэ, похоже, редко выходила из дома. Иногда он даже не видел ее за обеденным столом.

Но, по крайней мере, она все еще была там, все еще рядом с ним.

Почувствовав успокоение среди своих смутных мыслей, Ли Тан закрыл глаза и погрузился в сон.

С другой стороны, Цзян Лу пошел домой, положил рюкзак, надел рабочую куртку и вышел из дома.

Ранние осенние вечера в Сюйчэне выдались прохладными. Приближаясь к месту назначения, Цзян Лу надел маску и застегнул куртку.

В нескольких километрах от центра города, на пустынной дороге на окраине, Цзян Лу прошел через заводские здания и свернул на лестницу, ведущую под землю.

Внутри все еще было темно. По мере продвижения грохот постепенно нарастал. Показав пропуск фигуре, похожей на охранника, у входа, Цзян Лу ухватился за металлические перила и распахнул тяжелую железную дверь. Приглушенный шум, словно покрывало, накрывшее все вокруг, мгновенно превратился в ревущую волну, нахлынувшую на него, словно цунами.

Смешанный с различными дыханиями, потом и даже запахом крови.

Не глядя на сцену, он прошел мимо толпы людей к другому проходу, войдя в помещение, похожее на гостиную. Цзян Лу подошел к своему шкафчику, открыл его и переоделся.

Его снаряжение было простым: ему нужно было только надеть капу и боксерские перчатки.

В разгар процесса старик Чжан, менеджер боксерского зала, подошел и протянул ему защитный шлем.

— Надень его. Здесь в основном все делается для выступления, не нужно так выкладываться.

Цзян Лу не ответил, взял шлем и отложил его в сторону. Люди пришли сюда, чтобы увидеть суровую реальность. Никто не хотел тратить деньги на просмотр любительского боксерского мастерства.

Видя, что тот не желает слушать совета, Старик Чжан вздохнул:

— Я все еще не знаю, было ли ошибкой позволить тебе прийти сюда.

Старик Чжан раньше был коллегой отца Цзян Лу в транспортной компании. После смерти отца Цзян Лу он сочувствовал одинокому сыну друга и часто заботился о нем. Позже он бросил водить большегрузные автомобили и вернулся к своей старой профессии, открыв боксерский зал. Цзян Лу как-то узнал об этом и попросил взять его.

Эта работа была очень конкурентной, полной отчаянных людей, готовых рисковать жизнью. Поначалу старик Чжан, естественно, был против. Но Цзян Лу постоянно поднимал этот вопрос, не сдаваясь, несмотря на все уговоры. Он пообещал сосредоточиться на учебе, не участвовать в соревнованиях и драться только три раза в неделю. Старик Чжан не смог его переубедить и неохотно согласился.

— Как такое может быть?

Цзян Лу обматывал руки бинтами. Раны на руках легче обнаружить, чем на лице. Он не хотел, чтобы завтра учителя его допрашивали.

Старик Чжан все больше сожалел об этом.

— У тебя такие хорошие оценки, ты каждый год получаешь стипендию, зачем же ты здесь страдаешь?

— Каков размер стипендии? Я же не смогу жить на нее вечно, — сказал Цзян Лу. — Кроме того, это не для меня страдания.

Старик Чжан хотел что-то сказать, но рядом зазвонил телефон Цзян Лу. Цзян Лу махнул рукой, давая понять, чтобы тот ответил на звонок, и ушел.

Подняв трубку и взглянув на номер, он увидел, что это незнакомый номер.

Ответив, я услышал на другом конце провода женский голос:

— Это Цзян Лу?

— Хм.

— Извини за беспокойство в столь позднее время, я Ван Янь из второго класса... Ты помнишь?

— Да.

— Я взяла твой номер у твоего одноклассника. Звоню так поздно, чтобы извиниться... Прости, я сегодня призналась тебе, потому что проиграла спор однокласснику.

— Я знаю.

— Но, но то, что я сказала, было искренним.

— Какая часть была искренней?

Голос девушки ослаб, слегка дрожал.

— Ты мне... ты мне нравишься.

— Неужели?

— Да... Ты не веришь?

Тон Цзян Лу был беззаботным, но в его глазах не было ни намека на улыбку.

— Верю, — сказал он. — Почему бы и нет?

Пять минут спустя Цзян Лу шел по коридору, ведущему к боксерскому рингу. Свет впереди, казалось, вел его к краю рая или в глубины ада.

Ему нравилось выступать здесь, на этой сцене.

Даже обычно громкие возгласы и крики заставляли его ощутить полную, сотрясающую реальность, пронизывающую все его тело.

Как во сне.

В среду днем был урок физкультуры.

Ученики государственных старших классов школ редко посещали занятия музыкой, спортом и искусством. С каждым годом их становилось все меньше.

Когда одноклассники, с которыми он был знаком меньше двух дней, потащили его на

баскетбольную площадку, Ли Тан был совершенно беспомощен.

— Я совершенно не умею играть в мяч.

Причина, по которой он не отказался наотрез, была схожа с мотивацией угостить всех чаем с молоком. Ему нужны были друзья в новой школе.

— Просто играй неспешно, — уговаривал его Чжоу Дунцзе, крупный парень. — Научишься по ходу игры.

Староста класса Ли Цычу тоже его убедил:

— Да, просто играй непринужденно, не чувствуй себя под давлением.

Ли Тан не чувствовал никакого давления. Он просто не хотел двигаться. Он не любил потеть. Если бы не страх смущения, он бы с удовольствием присоединился к девчонкам, болтающим на краю игровой площадки. Ему нужно было лишь место, чтобы сесть.

В затруднительном положении он увидел знакомую фигуру, проходящую мимо поля. Ли Тан увидел в ней спасителя.

— Пусть играет Цзян Лу. Он выше меня.

Ли Цычу проследил за его взглядом и покачал головой.

— Он не подойдет.

Чжоу Дунцзе тоже посмотрел в ту сторону.

— Он точно не подойдет.

Ли Тан подумал, что между ними может быть какой-то конфликт. В конце концов, такой парень, как Цзян Лу, пользовавшийся огромной популярностью у девушек, был бы либо идеалом, либо предметом презрения у парней.

Но, по наблюдениям Ли Тана, ни то, ни другое не соответствовало действительности. Несмотря на то, что классы второго года обучения только что были реорганизованы, у Цзян Лу уже было несколько друзей в классе. Например, одноклассник по имени Хо Сичэнь, который шел рядом с ним, сегодня утром, когда он опоздал, именно Хо Сичэнь забрал у него домашнее задание по математике.

Более того, на второй день занятий последняя парта четвертого ряда превратился в оживленное место. Помимо тех, кто приходил задавать Цзян Лу математические вопросы, там были и праздные мальчишки, которым больше некуда было идти. На переменах, вместо того чтобы играть на улице или отдыхать на своих местах, они любили заходить к Цзян Лу. Кто-то сидел на партах, кто-то облокотился на подоконники, кто-то стоял на стульях... За десять минут они могли переключиться с последних футбольных матчей на новые аниме-сериалы – все это было разнообразно и не ограничивалось пределами кампуса.

Цзян Лу то сидел, то уступал место другим. Он стоял, прислонившись к стене, скрестив руки и полужакрыв глаза, и слушал их болтовню, не засыпая, изредка вставляя пару фраз.

И когда прозвенел предупредительный звонок, когда Цзян Лу просил всех закругляться, хотя все еще жаждали продолжения, никто не возражал против его приказа. Перед уходом они не забыли привести в порядок его стол и протереть стулья.

Вероятно, это и называлось хорошей популярностью. Хотя Ли Тан тоже пользовался преимуществами, которые давала ему внешность, ему все еще требовалась финансовая поддержка. Он прекрасно понимал, что если бы не его богатство, эти люди даже не взглянули бы на него.

Так какие же скрытые проблемы были у столь выдающегося и почти идеального человека, как Цзян Лу?

— Почему он этого не делает? — спросил Ли Тан.

— Он плохо слышит, — Ли Цзычу указал на левое ухо. — С этой стороны он не слышит.

Чжоу Дунцзе продолжил:

— Баскетбол требует командной работы. Как минимум, нужно слышать направление мяча и сигналы товарищей по команде, верно?

До самого последнего занятия Ли Тан размышлял о том, насколько все плохо с его «плохим слухом». Неужели он действительно ничего не слышит?

Неудивительно, что он сидел на последней парте у окна четвертого ряда, независимо от того, в какой части аудитории читал лекцию преподаватель, гарантируя, что его здоровое ухо первым уловит звук.

Он тоже сидел с правой стороны.

Ли Тану все еще было трудно поверить. Раньше он не замечал, что Цзян Лу полуглухой. Знали ли об этом девушки, которым он нравился? Неужели им нужно было найти подходящий ракурс

для признания, чтобы он услышал?

Как это произошло? Это было врожденным?

И разве люди со слабым слухом не должны носить... слуховые аппараты?

Чем больше он об этом думал, тем больше приходил в недоумение. Ли Тан не мог удержаться и снова и снова поворачивал голову, пытаясь найти ответы на вопросы, которые возникали один за другим благодаря наблюдению.

Естественно, Цзян Лу заметил испытующий взгляд своего соседа по парте.

Он предположил, что Ли Тан, должно быть, слышал что-то о нем от одноклассников. Возможно, речь шла о его сиротстве, а может, о его глухоте.

За эти годы Цзян Лу бесчисленное количество раз подвергался пристальному изучению со стороны любопытных взглядов. В конце концов, эти взгляды преобразовывались во что-то похожее на сожаление, жалость или даже сочувствие.

Он давно к этому привык.

Поэтому он, не выказывая никакой реакции, погрузился в книги. Пока этот взгляд, ободренный его снисходительностью, не становился все более дерзким, он неожиданно и без предупреждения повернул лицо направо.

Неожиданный поворот настолько напугал Ли Тана, что он чуть не подпрыгнул. Он поспешно схватил книгу и сделал вид, что читает.

Цзян Лу не стал его выдавать. Он просто смотрел на Ли Тана, не отрывая взгляда, пока тонкая мочка уха не покраснела, словно вот-вот вспыхнет. Затем он пощадил его, сказав:

— У тебя превосходный английский.

Ли Тан все еще был взволнован и в замешательстве выпалил:

— А! Он совсем забыл, что в первый день занятий классный руководитель объявил всему классу о его хороших оценках по английскому.

Цзян Лу не стал вдаваться в подробности. Его взгляд метнулся к блокноту на столе Ли Тана.

— Можно мне одолжить твои записи, чтобы взглянуть?

Перед вечерним самостоятельным занятием был час свободного времени.

Хо Сичэнь последовал за Цзян Лу в пустой кабинет и увидел, как тот отложил стопку бумаг, которую держал в руках, и просмотрел папки, сложенные на столе классного руководителя. Только тогда Хо Сичэнь понял:

— Я все думал, почему ты лично забирал домашнее задание. Оказывается, ты...

На самом деле Хо Сичэнь не знал, что ищет Цзян Лу. Он заглянул и увидел стопку анкет учеников 1-го и 2-го классов. Их собрали только сегодня утром. В них содержалась информация о прописке в семье и семейном положении каждого ученика.

Перелистнув страницу Цзян Лу, Хо Сичэнь увидел, что в графе о его родителях стоял «Х». Не успел он вздохнуть, как страница быстро перевернулась. Следующей была страница Ли Тана, где почти каждая колонка была заполнена. С первого взгляда было видно, что семья была невероятно полной.

Видя, что Цзян Лу долго задержался на этой странице, Хо Сичэнь предположил, что тот завидует, и неловко успокоил его:

— На самом деле, это ничего. В наши дни, когда так много разводов, можно увидеть нескольких одноклассников, у которых либо нет отца, либо нет матери. Даже если на первый взгляд оба родителя присутствуют, они могут быть не теми, кто был изначально.

Это были искренние слова. Семья Хо Сичэня оказалась в подобной ситуации. Его отец снова женился и привел домой мачеху, которая даже «подарила» ему сводного брата.

И, к несчастью для него, этот брат, который был всего на несколько месяцев старше его, учился в том же классе.

От этой мысли Хо Сичэнь содрогнулся. Он тут же вцепился в ногу своего нового друга.

— Хочешь поиграть в мяч после школы? Мы не полагаемся на крики. Даже если ты не слышишь, это не...

— Нет, — Цзян Лу отпустил его, вернул документы на место и выпрямился. — У меня сегодня вечером дела. А вы играйте.

Однако когда он тем вечером прибыл в подпольный боксерский зал, там не было никакой договоренности о бое.

— Напился в полдень и потерял голову. Я случайно забыл о тебе, когда составлял список

бойцов, — сказал старик Чжан. — Иди домой пораньше и отдохни сегодня вечером.

Цзян Лу знал, что старик Чжан действует намеренно. В обычной ситуации он бы отстаивал свою точку зрения, упрямо оставаясь здесь и выжидая. Скорее всего, старик Чжан не смог бы ему противостоять. Но сегодня он не стал спорить.

Вернувшись домой, он лег на кровать, но не смог заснуть.

В темноте Цзян Лу перевернулся на другой бок и сел, используя свет, проникавший из окна. Он открыл нижний ящик стола и порылся в стопке мятой бумаги, найдя одну, исписанную от руки.

Старый дом у подножия горы был сырым. За годы, проведенные вдали от солнечного света, бумага пожелтела и начала распространять затхлый, гнилостный запах.

Однако слова на нем едва можно было разобрать.

Незрелый почерк ребенка, каждый штрих кривой, но сильный, проникающий сквозь бумагу, свидетельствующий о серьезности.

Цзян Лу достал из рюкзака тетрадь по английскому и положил ее рядом с этим листком бумаги. Имя на обложке тетради полностью совпадало с именем на бумаге.

Единственное, разница между записями была в двенадцать лет.

Даже если это и было бессмысленно, в лучшем случае это было похоже на наложение стальной печати на установленный факт, делая его настолько конкретным, что его невозможно было подвергнуть сомнению.

Откинувшись на спинку стула, Цзян Лу выдохнул, по-видимому, бессильно закрыв глаза.

Нежный, детский голосок раздался в огромной пустоте его разума.

«Меня зовут Ли Тан, «Ли» как рассвет, «Тан» как осенняя бегония. Я запишу, чтобы ты мог это увидеть. Мою мать зовут Чжан Чжаоюэ. Ты когда-нибудь встречал ее, старший брат?»

В темноте Цзян Лу усмехнулся.

Всего на мимолетное мгновение мир погрузился в гробовую тишину.

<http://bllate.org/book/13923/1226757>